

Лейтенант Алексей Кабанов

«УМИРАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

Из воспоминаний командира 422 дивизии И.К. Морозова

Дни и ночи продолжалась тяжелая работа. Дни и ночи солдаты рыли траншеи, сооружали землянки, блиндажи, оборудовали огневые позиции. На берегах в истоке реки Червленной, в балках Морозова и Сухая на песчаных курганах ощетинились в сторону гитлеровцев подслеповатые, но страшные для них дзоты. Сталинградская степь руками воинов превращалась в грозную крепость. — Сюда бы наш таежный лес, кедр в три-четыре охвата, амурскую березу, крепкую, как сталь, ель и столетнюю сосну, — вздыхая, говорили дальневосточники. — Еще крепче была бы наша оборона. В душный безветренный августовский день наблюдатели за воздухом доложили, что с юго-запада в нашем направлении летят большие группы вражеских самолетов. Вот оно, началось! Эскадрильи немецких бомбардировщиков, разворачиваясь, шли на боевые порядки стрелкового полка майора Сорокина, окопавшегося в балках Морозова и Сухая с целью ввести противника в заблуждение и нанести ему потери еще до подхода к главной оборонительной полосе дивизии. Прошло пять минут, и первая партия фугасных бомб разорвала воздух; земля закачалась под ногами. К грохоту авиабомб присоединились разрывы снарядов, тяжелых орудий и бризантных мин шестиствольных минометов. Над позициями боевого охранения и полка Сорокина встала черно-бурая завеса земли и дыма. Сорок минут длился авиационно-артиллерийский удар. Воины задыхались в дыму и пыли под развалинами блиндажей, землянок и траншей. Это была артподготовка противника к атаке. «Как встретят врага наши пехотинцы и сапера, связисты и огнеметчики, артиллеристы и бронейбойщики и как они будут взаимодействовать?» — вот о чем взволнованно думали мы тогда с комиссаром дивизии Иваном Шестаковым. ...Сквозь грохот взрывов едва слышно зуммерил телефон — звонил командир полка майор Сорокин. Он докладывал, что пехота и танки противника атаковали боевое охранение юго-западнее Кашар, юго-восточнее разъезда «55-й километр», на высоте 122,0 и на пяти курганах, южнее балки Морозова. — Немцы силами до батальона пехоты с шестью танками атаковали боевое охранение лейтенанта Алексея Кабанова. Подробности доложу через несколько минут. Разрешите... И в эту же минуту в телефонной трубке раздался треск. Связь с полком оборвалась. Полк Сорокина! Выдержит ли он первый, огромной силы удар? Сейчас же все наши бинокли и стереотрубы были направлены в сторону боевого охранения лейтенанта Кабанова, орудийного расчета старшего сержанта Александра Алканцева и полка майора Сорокина. Связь с ними отсутствовала. Офицер батальона связи и его телефонисты бросились на поиски повреждения линии. Я старался уяснить, что происходит на рубеже боевого охранения. Ведь это было первое боевое крещение воинов 422-й стрелковой дивизии. Немецко-румынские дивизии наносили удар по нашей дивизии в направлениях: первое — Зеты—Кашары— Червленный; второе

— вдоль железной дороги на разъезд «55-й километр» — станция Тундутово; третье — высота 122,0 — Стан Культурный — высота 108,2 и четвертое — из леса Дубовый на высоту 118,3. А позже на сутки, сбив боевое охранение на пяти курганах у балки Морозова, противник перешел в атаку в направлении высоты 112,7 и затем еще раз через высоту 122,0 на Стан Культурный — высоту 108,2. Связь не работала, и управление полком Сорокина нарушилось. Я понимал, что сидя на наблюдательном пункте и не видя противника управлять боем трудно. Немедленно собрался в полк Сорокина.

Офицер штаба дивизии майор Иван Сухов, разгадав мои мысли, выскочил из блиндажа, на ходу поправляя пистолет, крикнул: «Товарищ подполковник, я мигом, одна нога здесь, другая у Сорокина!». Человек богатырского роста и телосложения, большой физической закалки и выносливости, Сухов не раз преодолевал тайгу и сопки и теперь одним броском хотел преодолеть двухкилометровое расстояние, под смертоносным огнем наладить связь, организовать взаимодействие и вернуться на НП дивизии. Майор Сухов вернулся, но только через четверо суток. Все эти дни он вынужден был находиться в полку Сорокина, воины которого дрались на рубеже: высота 122,0 — балка Морозова — высота 118,3. Передовые отряды, а затем и главные силы Гаван-гардов 29-й моторизованной, 371-й пехотной и 24-й танковой дивизий немцев обрушились на боевое охранение и на полк майора Сорокина. Шла неравная и ожесточенная борьба.

Гитлеровцы хотели с ходу прорвать нашу оборону и ворваться в южные районы Сталинграда. Первым встретил фашистские танки и моторизованную пехоту взвод комсомольца лейтенанта Алексея Кабанова. Взвод занимал оборону на кургане, юго-восточнее переезда. Сосед справа — взвод лейтенанта Бурдейного — оборонял курган юго-западнее разъезда «55-й километр». На боевое охранение Кабанова и на его соседа справа навалился сразу целый батальон моторизованной пехоты и около тридцати танков. Это был передовой отряд 29-й моторизованной дивизии немцев. Отряд хотел с ходу смять боевое охранение и овладеть разъездом «55-й километр». Воины-дальневосточники встретили немцев ураганным огнем. Девять раз немцы атаковали взвод Кабанова и к вечеру отошли на железную дорогу. Здесь в первый день они потеряли роту пехоты и 13 танков, на второй день — до ста человек и 12 танков. Двое суток шел неравный бой за разъезд «55-й километр» и курган с отметкой 122,0. Взвод Кабанова к вечеру второго дня был окружен врагом. Самолеты фашистов несколько раз бомбили железнодорожные постройки и курган. Рвались снаряды, гитлеровцы забрасывали окопы гранатами.

К исходу вторых суток от взвода Кабанова осталось восемь человек, почти все они были ранены. С наступлением темноты вместе со снайперами Самаром и Катковым лейтенант Кабанов зарядил оставшиеся противотанковые гранаты, набил последние патроны в пулеметную ленту. Когда все было готово, Кабанов приказал солдатам отходить, а сам остался прикрывать их отход. Немцы атаковали Кабанова. Он метнул в них гранаты, затем прилег к пулемету. Так он работал один за пулеметный расчет и за гранатометчиков, отражая атаки гитлеровцев. А когда кончились патроны и окружившие Кабанова немцы во все горло стали орать: «Рус! Сдавайся!», герой-комсомолец рванул кольцо на связке противотанковых гранат... Позднее, когда разъезд и курган были отбиты, солдаты обнаружили в нише для бутылок с горючей жидкостью записку, в которой значилось: «Немцы предложили сдаться в плен. Умираю, но в плен не сдаюсь. Комсомолец лейтенант Алексей Кабанов».